

ми, их одиночество, кстати, отчасти объясняется нежеланием подчиняться филистерским требованиям истецблишмента, но зрелость наградила их уважением к тайне жизни

В последнем и, на наш взгляд, наиболее пленительном рассказе, давшем название всей книге, героиня, выбитая из колеи повседневности «обыкновенным чудом», в реальность которого она никак не может поверить (в нее влюбляется с первого взгляда интересный незнакомец), рождественским вечером подъезжает к дому брата, и неожиданно распахнувшаяся дверь и выплеснувшиеся из нее в ледяные сумерки свет, музыка, дым, тепло, пестрые нарядные одежды поражают ее так, как поразила бы прекрасная неведомая картина на тусклой стене. Этой сценой завершается сборник, оставляя в душе читателя ощущение светлой печали, желание мысленно продлить последний «кадр», еще раз полистать страницы этой странной и правдивой литературной «летописи».

И. ПРОХОРОВА

ФЕНОМЕН ГАРСИА МАРКЕСА: ПАРАДОКСЫ ПРОЧТЕНИЯ

Давно известно, что развитие литературы имеет не только свою историю, но и свою географию. И пожалуй, уже ни у кого не вызывает сомнения, что сегодня центр этого развития переместился в Латинскую Америку. А там среди десятка крупных талантов особо выделяется один — Габриэль Гарсиа Маркес.

Мы предлагаем читателю краткий обзор советской и зарубежной «маркесиады» последних двух лет.

В критической литературе о творчестве Гарсиа Маркеса можно выделить две постоянные тенденции. С одной стороны, это желание исследователей приблизить к читателю книги колумбийского писателя, с другой — дать оригинальные, порой не бесспорные толкования его образной системы, его философии, что в конечном итоге обогащает читательское восприятие.

В Лондоне в 1987-м издана книга английского литературоведа *Стивена Минты «Габриэль Гарсиа Маркес: писатель Колумбии»*. Ее автор поставил перед собой задачу разрушить привычный читательский стереотип, о котором с горечью писал сам Маркес в повести «Полковнику никто не пишет»: «Для европейцев Южная Америка — это мужчина с усами, гитарой и пистолетом». Автор анализирует биографию писателя, прямо или косвенно отразившуюся в его книгах, историю Колумбии, сопоставляет прозу Маркеса с произведениями Беккета и Джойса, задается вопросом об адекватности перевода книг Маркеса на английский язык.

Книгу С. Минты пронизывает мысль о необходимости помнить и осмысливать события прошедших дней, тема памяти, настойчиво повторяющаяся при разборе любого из выбранных им произведений («Полковнику ник-

то не пишет», «Недобрый час», «Осень патриарха», «История одной смерти, о которой знали заранее», «Любовь во время чумы»). В романе «Сто лет одиночества» предвестником грядущих трагедий стала эпидемия забывчивости, обрушившаяся на город Макондо. Ее причины исследователь видит в забвении собственных корней и в забвении тысячелетних индейских традиций. Не случайно единственные, кто понимает опасность постигшего город несчастья, индейцы Виситасьон и Катауре, в прошлом наследники древней династии, а ныне слуги в семье Буэндиа.

С. Минта приводит необычное толкование названия города «Макондо», связывая его с культурной и религиозной традицией народа банту. На языке банту «макондо» означает «бананы» («кондо» — банан). Банан — это и лекарство от самых опасных заболеваний, но одновременно и пища злых духов. Так, иронически обыгрывая название города, Маркес предсказывает возвышение и падение Макондо, гибель его обитателей.

Роман «Сто лет одиночества» — постоянно в центре внимания критиков. В журнале «Испаник ревью» (№1, 1987) латиноамериканская исследовательница *Мариа Эулалия Монтенер Феррер* (университет Федерико Момпоу, США) в статье «Обманчивый Габриэль Гарсиа Маркес: Урсула Игуаран, рассказчица «Ста лет одиночества» проводит интересный эксперимент, воссоздавая предполагаемое генеалогическое древо семейств Урсулы Игуаран и Хосе Аркадио Буэндиа, и приходит к выводу, что страх героини перед ужасным проклятием, преследующим род Буэндиа из-за incestного брака, необоснован, ибо Урсула и Хосе Аркадио не были родственниками по крови, о чем должна была знать и сама Урсула. Имя, данное двум семействам «Буэндиа» — сокращенный вариант обычного приветствия «Добрый день», — означало на континенте: «неудачники», «бесталанные люди», так же называли здесь всех испаноязычных выходцев из Старого Света. И потому подспудный страх окружающих перед семейством иммигрантов, которое не сумеет, достигнув власти и богатства, сохранить необходимые людям гуманность и доброту, страх перед объединением и могуществом чужаков породили эту легенду. Но судьба всех членов рода Буэндиа оказывается гораздо страшнее предполагаемой угрозы рождения игуаны или младенца «с поросычьим хвостиком». Причину падения рода Буэндиа исследовательница видит прежде всего в том, что Урсула, единственная живая свидетельница и хранительница памяти рода, большая выдумщица и фантазерка, явилась по существу главой рода, создав своеобразный матриархат, противоестественный и призрачный, губительный для семьи, несмотря на усилия самой Урсулы, всех ее преемниц, включая и последнюю в роде Амаранту Урсулу, безуспешно пытавшуюся возродить разрушающийся мир Макондо и дома Буэндиа.

Русской культуре всегда была свойственна «всемирная отзывчивость». Колумбийский писатель, которого все чаще называют великим, давно стал для нас «своим». Он говорит о тех же насущных проблемах бытия — природе человека, смысле истории, — кото-

рые всегда были центральными в русской классике; но говорит таким своеобразным языком, что для полного его понимания необходимо истолковать. В. Земсков, автор первой вышедшей на русском языке монографии «Габриэль Гарсиа Маркес» (М., 1986), прекрасно подходит для этой роли. Вдумчивая скрупулезность анализа сочетается у него со способностью к широкому обобщению и умением поместить исследуемый материал в контекст большой культуры. Произведенное им наложение бахтинской концепции карнавализации на прозу Гарсиа Маркеса и латиноамериканский роман в целом оказывается весьма плодотворным. Ибо карнавал, в широком культурно-философском смысле, возникает «на границах» — социальных, культурных, исторических, — там, где соприкасаются культурные миры. А именно такая ситуация характерна для всего процесса формирования латиноамериканской культуры. И именно на этой основе, как утверждает автор, строятся ее отношения с культурой европейской: на эсхатологические пророчества Запада «пылающий континент» отвечает «взрывом смеха», несущего очищение и освобождение от иллюзий; а его знаменосец Гарсиа Маркес производит «карнавальную ревизию» всей предшествовавшей истории — с тем, чтобы создав «исчерпывающую поэтически-метафорическую модель» старого мира, навсегда распространить с ним и выйти на прямую дорогу в будущее. «Не только «прощай» прошлому — мифу, «предыстории человеческого общества», но и «здравствуй» — новому дню, подлинной народной истории мы слышим в повествовании о тех, кого звали Буэдиа, что и означает в переводе «добрый день».

С этим выводом В. Земскова спорит А. Аннинский, поместивший в журнале «Латинская Америка» (1987, № 8) статью «Феномен Гарсиа Маркеса: соблазн и опыт». Мы уже не однажды имели случай заметить, как силен у критика полемический запал; можно даже сказать, что энергия спора — один из движителей его мысли. Вот и на сей раз, похоже, собственная концепция Аннинского возникла при столкновении с другой точкой зрения — столкновении, высекавшем полемическую искру. Отдавая должное «чуткой точности» исследователя, непредвзятости и строгой ясности анализа, критик выражает несогласие с итогом исследования — оптимистическим утверждением «всеобщего очищения» в будущем. Сам он не видит оснований для оптимизма. Да и впрямь, откуда бы им взяться? Ведь есть какая-то «горькая фатальность» в подходе писателя к природе человека; мир, им изображенный, исполнен тьмы, пронизан виолеттой — всепроникающим насилием, трагически неизживаемым, ибо оно лежит, кажется, в самой основе человеческого бытия. Этот мрачный мир «недоброго сознания», при всей своей фантазмагоричности, настолько реален и плотен, что нам — вместе с Аннинским — трудно поверить в возможность «вдохновляющего чуда», во внезапный

прорыв за «светлую грань», где «начинается всеобщее очищение, и «хвостатые», агрессивные мачо, человеко-животные с виолетсией в крови и химерами в голове научаются любить».

Нельзя, правда, не признать, что концепция Земскова близка к представлениям самого Гарсиа Маркеса. Критик и признает это тем охотнее, что получает таким образом возможность снова высказать одну из любимых своих мыслей — о несоответствии авторских устремлений и творческого воплощения. «Книги великого писателя всегда шире, духовно объемнее и непредсказуемее его намерений».

Иное дело — публицистика, с ее идеологической отчетливостью и пропагандистскими тенденциями. Репортаж Гарсиа Маркеса «Одиссея Мигеля Литтина, или Тайное возвращение на родину» — яркое доказательство его веры в человеческое благородство, мужество и силу. «Иностранная литература» уже писала об этом необычном репортаже, отрывки из которого публиковались в нашей периодике; «Латинская Америка» (1986, № 11, 12, 1987, № 1, 2, 3) поместила его полностью, предоставив читателю возможность увидеть знаменитого колумбийца с непривычной стороны. Уступая слово Мигелю Литтину, писатель отказывается от своей яркой образности; удивительная «одиссея» режиссера-эмигранта, приехавшего под чужим именем в Чили, чтобы снять документальный фильм, изложена им просто и безыскусно. «Я решил вести повествование от первого лица, так, как слышал его из уст самого Литтина, при этом стараясь сохранить его манеру рассказывать — местами доверительную, без дешевой драматизации и каких-либо притязаний на историческую значимость», — пишет Гарсиа Маркес. Но перед нами не просто «репортаж» — скорее «художественная реконструкция» героического акта, «конечный результат» которого оказался «куда более значительным и волнующим, нежели первоначальное и благоосуществленное намерение»: дело идет об утверждении достоинства человека, противостоящего античеловечной системе фашистской диктатуры.

Так к чему же движется созданный великим колумбийцем универсум — к «черному взрыву» или к «вечному солнцу»? Или в нем заключено и то и другое? Чтобы в полной мере уяснить, «что означает для нас это явление духа» — Габриэль Гарсиа Маркес, — чтобы «с ним соотнестись, понять его, усвоить» (Аннинский), нужно, наверное, осмыслить его в целом, не вынося за скобки читательского восприятия противоречий между намерением и осуществлением, между историческим оптимизмом сторонника социального прогресса и катастрофическим мировосприятием художника. Это ведь тоже входит в «феномен Гарсиа Маркеса».

Н. ГРУЗДЕВА,
Е. ЗЛОБИНА